

Борис Фабрикант

Крылья напрокат

Автор
читает
свои
стихи

Борис Фабрикант
Крылья напрокат

«Алетейя»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Фабрикант Б. А.

Крылья напрокат / Б. А. Фабрикант — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-079-9

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00165-079-9

© Фабрикант Б. А.
© Алетейя

Содержание

Предисловие	5
«Было бы окошко между временами»	8
«Горячее молоко, сода и мягкий мёд...»	8
«Чтоб остановить мгновенье, я записывал...»	9
«В тесных улочках памяти...»	10
Шестидесятые	11
«Я бежал молодым под ливнем...»	12
«Метку поставить на время любое, как вешку над снегом...»	13
«Закрываю глаза, нет ни севера, ни востока...»	14
«Приснился сон – действительности эхо...»	15
«Было бы окошко между временами...»	16
«А жизнь еще не миновала»	17
«Заходят тучи на восход...»	17
«Я друзей позову и степенно...»	18
«А в городе весна...»	19
«Посреди (прозрачным утром разглядеть стараясь дно)...»	20
«Ветер режет белый воздух – пышный свадебный пирог...»	21
«Где-то за рекой крики, музыка, фейерверки...»	22
«Мы все одинаково молоды...»	23
Пароход «Ворошилов»	24
«Только тех, с кем улыбку начала дня...»	26
«Здесь случается прошлое, здесь я встречаюсь с собою»	27
«По дырявой воде до немытой дороги...»	27
«Вдали промчался катер пробкой винной...»	28
«Мои друзья талантливее всех...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Б. А. Фабрикант

Крылья напрокат

Предисловие

Смиранный романтик? Ироничный? Да, скорее всего. Смиранный, потому что ему «Богу диктовать не по плечу», а ироничный, потому что крылья выданы «на два круга напрокат». Не ради каламбура я добавил бы: на два спасательных круга.

Так начинается этот полёт – со вдоха и взмаха крыла – и длится, длится на протяжении книги.

И мне по душе, что начинается он с детства, с высматривания в небе голубей, «от солнца заслони глаза рукою», с упоминания Оле Лукойе, сочинителя снов, приходящего к детям с двумя зонтиками... – кто же не помнит сказок Андерсена? Они запоминаются навсегда. Возможно, потому, что в них много печали, которая отзывается в человеке позже, а в детстве туманно волнует и залегает где-то в глубине души.

Полёт не может прерваться точкой, и потому ни одна вещь книги не заканчивается знаком препинания под названием «точка» – не заканчивается «препинанием», то есть остановкой, которой здесь быть не может, и когда следующее стихотворение подхватывает то самое «Лукойе-вступление»: «Горячее молоко, сода и мягкий мёд, / масло плывёт, как желток, остывком...» – я сразу вспоминаю, что Оле Лукойе навевал детям сны с помощью снотворного сладкого молока. А читая «там за окном зима» или «тянется Новый год», я неизбежно вижу не только радость ожидания или выздоровления, но и «девочку со спичками»... И что с того, что сказка Андерсена про девочку – с заскорузлой-взрослой точки зрения – сентиментальна до неприличия, если она незабываема?

Между тем перетекание одного стихотворения в другое, подсказывающее, что это единое высказывание, что это, по сути, поэма, не делает высказывание бесформенным. Это книга, а не сборник стихов, и это Книга в той мере, в какой автор способен подняться до недостижимого уровня. Книга, подобно собору, предполагает строгую архитектуру, когда музыка возникает из постоянной переключки отдельных элементов строения, когда есть ритм и рифма, и не важно, в чём они нашли своё воплощение – в камне, в музыке или в слове.

Каждая главка здесь названа строкой, встречающейся в одном из стихотворений этой главки, являясь словно бы его предвестием или – пусть это звучит несколько абсурдно – опережающим эхом строки, которая явится чуть позже. Количество главок – тринадцать. Счастлирое число! Если читателю интересно, что такое гематрия, пусть заглянет в словарь. 13 – это и «единый», и «любовь» для соответствующих слов на иврите.

В начале книги есть такой мотив:

Брошу две монетки, сдвинется заслонка.
Контролёр в фуражке песенку свистит.
В очереди сзади кто-то плачет тонко,
Номер на ладонях, дождик моросит.

Мне по душе, что прошлое время то и дело настигает настоящее, не прикладывая к этому никаких усилий, а настоящее видит прошлое, и видит перед собой, не оборачиваясь. И жизнь переплетена со смертью, как это бывает только при жизни, и – с особой силой – в событии творчества.

Да, в начале книги этот мотив, и – «номер на ладонях» (вероятно, в какой-то очереди – мало ли мы и наши родители выстояли очередей!), а ближе к концу книги этот «элемент строения», «номер», возникнет при упоминании судьбы погибших в ГУЛАГе, и это совсем другой номер, хотя и нет его в тексте, – он есть в нашей памяти, согласной если не с историей, то с памятью автора, которая воскрешает и то, что «по ту сторону жизни».

Там паровоз летит, не зная остановки,
И только стук колёс вращается вдали,
Где пуля из ствола игрушечной винтовки
Навылет разнесла полглобуса Земли.
Там прошлое везут без права передачи.
Гудок и чёрный дым с осколками угля,
И мы поём с отцом, и проводница плачет.
«Едем мы друзья в дальние края».

Дальние края есть по обе стороны: по эту сторону жизни и по ту.

У Оле Лукойе есть, как выясняется в последней сказке, рассказанной в воскресенье, брат, которого зовут тоже Оле Лукойе, но его второе имя – Смерть. Он приходит, чтобы закрыть глаза спящему и забрать его с собой. Может быть, в этой печальной истории есть надежда на тот день, когда она прозвучала – на воскресенье?

Во всяком случае, полёт в небеса, с которого начинается книга, заканчивается трагической историей прадеда автора и словами: «по дороге к Богу».

Круг замыкается. Но круг читателей этой книги... – да пребудет он разомкнутым для тех, кто любит поэзию!

Владимир Гандельсман

Как будто я пишу не о себе,
А вижу сон под зонтиком Лукойе,
Где, наконец, гоняю голубей,
От солнца заслонив глаза рукою.

Как будто я уже всё пережил,
Но кто-то за меня считался с Богом,
А я ходил всё время по дорогам
За чистой правдой и по лужам лжи.

Теченью жизни счёт ведут в годах,
А я пересекал их на пароме.
Какой-то незнакомый посторонний
Рассказывал, что там, на берегах.

Начало взлёта – вдох и взмах крыла.
Меж временем и Богом, жизнью, мною
Дрожала тонко связка, но жила.
Не знаю до поры, какой ценою.

Прошедшее менять я не хочу.
А планы, эти клетки с облаками,

Мне Богу диктовать не по плечу.
Былое сшить цветными лоскутами,

И в простоте не потерять лица,
И пот не путать с божьею росой.
И вдруг понять, у жизни нет конца,
И улететь без крыльев по косо́й.

Уйти за горизонт не на закат,
И встречный, бывший, кажется, сосед,
Как в детстве во дворе велосипед,
Даст крылья на два круга напрокат

«Было бы окошко между временами»

«Горячее молоко, сода и мягкий мёд...»

Горячее молоко, сода и мягкий мёд,
масло плывёт, как желток, островком.
Этот рецепт со мною живёт
впитанный с маминым молоком.
Если простуда, гланды, можно лежать-читать,
в школу ходить не надо, туда-обратно.
Но одеяло к печным изразцам прижать,
чтобы теплом накрыть меня старым ватным.
Там за окном зима, тьма на несколько дней,
простуда пройдёт сама, или уйдёт за ней
и отпадёт листком: веточка, календарь?
Это потом dot.com, адрес простой – январь.
Тянется новый год резаный на куски,
счастье принесёт, или крошки с руки.
Длинно журавль кричит, кличет синицу в руке.
Жёлтенький островок
плавает вдалеке

«Чтоб остановить мгновенье, я записывал...»

Чтоб остановить мгновенье, я записывал
на бумажке время и число
в новогодний вечер, думал числами
прикрепить к судьбе. Но, как весло,
обтекла вода, загрёб, и каплями
утекли и время и клочки.
Всё делила жизнь, как лисы с цаплями,
хоть не разжимал я кулачки.
Но загадывай и не загадывай,
знать не стоит долю наперёд.
Прошрое, как в память ни заглядывай,
всё равно никто не разберёт.
Перемены в жизни переменами,
только, как ты их ни называй,
хоть победами, а хоть изменами,
всё равно храни как урожай.
И не трудно разобраться с числами,
Разбросай колоду-календарь,
выбирай любую дату чистую,
на бумажку запиши, как встарь

«В тесных улочках памяти...»

В тесных улочках памяти
Все давно познакомились,
Ходят в гости заранее
Через годы и смерть.
Мамы с папой, танцующих,
Чтоб надолго запомнились,
Сделал снимок «Любителем»,
Проявить бы суметь.
Мы равняемся возрастом,
Им всё легче вальсировать,
Иногда мне доносится,
Мама песни поёт.
Это память замешкалась
Рядом с нашей квартирою
И по памяти старой
Голоса узнаёт

Шестидесятые

За молоком с утра пораньше
нам выйти очередь занять,
нам с братом, я на девять старше
и мне решать.
Наискосок вдоль магазина
в любую пору поутру,
как лента старая резины,
соседи наши по двору.
О чём-то их негромкий говор:
«Я здесь стоял!», «Я отойду».
Дверь отжимала шайбой-гровер
всю эту тёмную грядку.
Тогда о денежной реформе,
про эти кровные свои
судачили. Я в школьной форме
с ремнём. И по краям струи
две складки черпаком литровым
нам изливались с молоком.
Я рубль давал за это новый,
сжимая сдачу кулаком.
«Неси, слабак!» – послал я брата,
и он свой тяжкий крест взвалил.
Не в рост. Силёнок маловато.
Перекосило. Уронил.
Он виноват, а я невинен.
Его уж нет, не помнит он.
А мне и завтра будет виден
мой брат и выпавший бидон

«Я бежал молодым под ливнем...»

Я бежал молодым под ливнем,
Сняв рубашку и мокрый до клеток.
Время было самым счастливым,
Это давнее новое лето.
Мне четырнадцать или пятнадцать.
Шёл троллейбус. Взгляд женщины взрослой,
Взгляд, как будто игра в пятнашки.
Стой! Ты пойман – десант на остров,
На котором ещё я не был,
Но увидел в глазах так остро,
Как вблизи грозное небо.
Этот проблеск из ближней дали
Сквозь залитое ливнем стекло
Сразу в прошлое закатали,
Чтоб полгорода не сожгло

«Метку поставить на время любое, как вешку над снегом...»

Метку поставить на время любое, как вешку над снегом,
столб верстовой, он для всех, но я знаком отмечу своим.
Можно часами считать, можно лунами или пробегом
и позабыть календарь, и конец и начало, как дым.
Жизнь – это ветер, швыряющий листья неизданной книги.
Сдуло, и больше не вижу себя никогда малышом.
Главы о брате: учёба средь сумрачной солнечной Риги,
умер в Америке, строчки о Львове карандашом.
Мамина шляпка лежит в непогожую долгую среду,
рядом расчёска, перчатки, ключи, кошелёк и помада,
список, что надо на рынке купить на неделю к обеду,
снова суббота, но сдуло страницу июльского сада.
Влево склонён мамин почерк, и что на листке, я запомнил,
но всё тянусь разглядеть неизвестный покуда ответ.
Не увидеть, что подписано в свет, что рукою заполнил,
Будто охотник, зачем-то берущий свой сбившийся след

«Закрываю глаза, нет ни севера, ни востока...»

Закрываю глаза, нет ни севера, ни востока.
Лягу навзничь, высот и глубин не сравнить, не узнать.
Только слышу порывы родного в груди кровотока,
И летает разведчица жизнь, чтоб меня отыскать.

А запомнится толстый ковровый рисунок заката
И ковёр на софе, слово новое, мебель стара.
Все мы к ходу событий прибиты, как буквы плаката,
Ну и флаги, их дворник на праздник развесил с утра.

Календарные даты – каморки, хранящие утварь
И касания к ней, память трещин, эмалевый скол.
В прошлых днях и без нас каждый день начинается утро,
И семья, «С добрым утром!» включив, всё садится за стол.

Красной миской, которую мама из дома до Львова
Довезла сквозь Ташкент, Балашов от начала войны,
Как ключом я открою те годы, в которые снова
Я вернусь, чтобы всё записать на запасные сны.

Это время листком, незаполненным прошлым, маячит,
По нему не отыщешь ни место, ни запах, ни звук.
Я тогда был младенцем, для памяти пуст и прозрачен.
И беспмятством этим когда-то замкнётся мой круг

«Приснился сон – действительности эхо...»

Приснился сон – действительности эхо.
Вернул минуты, звуки, жесты, даты,
Свет, запахи, чтоб обменять с успехом
Сей час на позабытое когда-то.

Там очередь стоит из третьих лишних
За правом стать вторыми при обмене,
И давний таймер зазвонит неслышно,
Лишь в памяти поставит *nota bene*.

Ах, как воспоминанья не прочны,
Сон, облачный узор, фонарь в ночи.
Их ношенные шлёпанцы смешны,
Их грусть – тепло нетопленной печи.

Они живут за тонкой звонкой плёнкой,
Поют негромко, по углам спуют,
Глядят на нас и нас не узнают,
Как старый пёс подростшего ребёнка.

Мы снимся им без признаков беды –
Трофейный фильм без знаков препинаний.
Мы состоим уже не из воды,
Не из воды, а из воспоминаний

«Было бы окошко между временами...»

Было бы окошко между временами,
Даже небольшое мутное стекло,
Подышал бы тихо и протер руками
И смотрел бы долго, чтобы повезло.

Брошу две монетки, сдвинется заслонка.
Контролёр в фуражке песенку свистит.
В очереди сзади кто-то плачет тонко,
Номер на ладонях, дождик моросит.

Наклонюсь над светом в пластиковой раме,
В нашем прошлом утро, солнце и тепло.
Может быть, увижу маму вместе с нами.
Жалко, не услышу – толстое стекло

«А жизнь еще не миновала»

«Заходят тучи на восход...»

Заходят тучи на восход,
Как для посадки.
Стоят дома, вода течёт,
И воздух гладкий.
Пакет – набор «Начало дня»,
Готовь посуду,
Разбавь на всех, прибавь огня,
Кинь ломтик чуда.
Смотри, детей не разбуди,
Им рано в школу.
А где-то самолёт гудит,
Такой весёлый.
Открыть окно и полетать,
Такая малость.
А чудо что? О нём мечтать
Не получалось.
Готова ранняя еда,
И будет завтра
Такое утро, как всегда,
И смех и завтрак.
И будет шум и тарарам,
День пригнан плотно,
Как-будто сонный по утрам
Приходит плотник
И подгоняет так пазы,
Что даже крылья стрекозы
В зазор не втиснуть,
И улетает стрекоза
Над садом виснуть.
А плотник стружки подметёт
И смажет оси.
Его по паспорту зовут
Сосед Иосиф

«Я друзей позову и степенно...»

Я друзей позову и степенно
Дом родной покажу постепенно.
Это спальня, вот вид из окна –
Лес, тропинки, грибы и белки.

И за каждой стеной тишина,
А на стенах следы побелки.
Сверху звёзды высоко-высоко.
Я свой дом угнездил на земле,

И лицом он поставлен к востоку,
И в жильё превратится в тепле.
А пока соберут на столе,
Растоплю я сухие полешки,

И берёзовый дух в золе
С домовыми затеет потешки.
Потолки высоки, и досель
Не скрипели в полу половицы.

За окном у сосны карусель
Завели над кормушкой синицы,
А сезонный круговорот
Начинается от ворот.

Я детей напою молоком,
Нам – хмельное, и хлебы преломим.
Видишь, счастье цветным черпаком
Поливает цветы в нашем доме

«А в городе весна...»

А в городе весна,
Веселье и гульба.
По улице одна
Идёт моя судьба.
А улица полна
И ветра и вина,
И солнца и тепла,
Блестящего стекла.
Здесь свист и карусель.
Из окон сверху вниз:
Как здорово, что все
Сегодня собрались.
И музыка окрест,
И цокот каблучков,
И взор наперекрест,
И взгляд наискосок.
Одежды юных дам
Короче по весне,
Так землю тут и там
Нам открывает снег.
Последний слой зимы
И прошлогодний сор
Весне прощаем мы,
О чём тут разговор.

А в городе весна
И ветра и вина
Как здорово, что все
И взгляд наискосок
Одежды юных дам
И прошлогодний сор

«Посреди (прозрачным утром разглядеть стараясь дно)...»

Посреди (прозрачным утром разглядеть стараясь дно)
тихой гавани (в английском старом городе Крайстчёрч)
всё похоже было цветом на какое-то кино –
одиноким, молчаньем – на французское, точь-в-точь.

На столбах сидели чайки (не кричат, не просят рыбок),
и враскачку, по-матросски, лебедь шлепает на слип.
На верхушке колокольни (глянешь, не сдержат улыбок)
рыба вертится по ветру – флюгер к облакам прилип.

Кадр был выстроен отлично, мачты двигались нагие,
только главные герои (лодки тронул первый вал),
видно, главные герои жизни выбрали другие,
и без главного героя фильм никто не начинал.

Я пришёл взглянуть на море, ни о чём не беспокоясь
(из-за крон каштанов красных долетал церковный хор),
рядом с чайкой отразился от воды – портрет по пояс,
и теперь уже не скажешь: «Чур, не я!». Мотор! Мотор!

«Ветер режет белый воздух – пышный свадебный пирог...»

Ветер режет белый воздух – пышный свадебный пирог.
Птицы по небу летают, на земле под небом пусто.
Хорошо бы – осень, свадьбы, а весной опять сурок –
Разглядеть молодожёнов в танце от вина до чувства.

Платья белые рассадой кто-то высыпал с небес.
Детвора в дверях толпится, снова плачут старики.
Путь, начавшийся от ЗАГСа, завершается в собес.
С каждой свадьбой крепче осень, и шаги её легки.

Да какая нынче осень, льёт всё время дождь на слякоть.
Не февраль, но всё темнее стынет небо по утрам.
Глянет солнце, день сверкает, словно вымазанный локоть,
А тоска посередине воздвигает новый храм.

Стынет кожа от мороза, будто в спину целит снайпер,
Из тату упала роза, украшавшая плечо,
И невесту потеряли, запил кто-то или запер.
Значит, снайпер, ЗАГС и осень были вовсе ни при чём

«Где-то за рекой крики, музыка, фейерверки...»

Где-то за рекой крики, музыка, фейерверки,
Свадьба там у Вари или у Верки,
И полосочки цвета добегают до берега,
Недалеко ведь, чай, не Америка.
Холодно, сыро, глухо и серо.
Несколько детей родились когда-то,
Один умер, другой – офицером.
Тоже умер потом, но сперва стал солдатом.
Так можно размотать всё, что было, обратно
До того берега и последнего лета.
Народу мало, многие братья,
Да кто уже помнит про это.
Жить некогда, дрова, вода, пыль, холод,
Дороги забыты, провода рвутся.
Всё интересно, пока молод,
Потом день, вечер, утро в сутках толкутся,
Места себе не находят, куда-то уходят.
Куда ни глянешь, те же люди и птицы.
Самое живое в доме ходики, вроде,
Стрелки движутся и меняют лица.

А жизнь та же, что была до этого.
Вечер. Красиво. Всё фиолетово

«Мы все одинаково молоды...»

Мы все одинаково молоды,
И всё, что мы помним, так схоже.
И вся наша жизнь – как по городу
Идущий весёлый прохожий.
Он рад и камням постаревшим,
И новым рекламным огням.
Он полон забот об успешном
Сего завершении дня.
Кружит он от завтра до прошлого
За край годового кольца.
Кто помнит плохое? Хорошего
Должно нам хватить до конца!
Долж... Но в завершение круга
На самый последний на крик
Нам вдоха не хватит и друга,
И друга хотя бы на миг

Пароход «Ворошилов»

А жизнь ещё не миновала.
Как теплоход, ушла с причала,
Взяв на борт местных и чужих
И свиток замыслов благих.
И всё на видео снимала,
И всё на видео снимала,
И дольше, чем я был в живых.
Свои чего-то мастерили,
Храпели ночью, утром пили.
Потом туристам объяснили,
Где Разин уронил княжну.
Сменяли ночи дни вначале,
Сменяли радости печали,
И слёзы лили на причале,
Где провожали и встречали,
А волны теплоход качали,
Он отходил, едва причалив.
И отходили все ко сну.
А пассажиров, недовольных
Таким потоком рифм глагольных,
Успешно юнга утешал,
Давая крутануть штурвал.

Кричали дети, пели бабы,
И теплохода почерк слабый
Почти не оставлял следа.
Меж берегов текла вода,
Нас по реке вёл старый лоцман
По древним книгам скал и дна.
День с ночью разделяя, боцман
Бил склянки. Солнце и Луна
Всходили по небесной сфере
В четверг, пришедший за средой,
По берегам ходили звери,
И плыли рыбы под водой.
Матросы долгими крылами
Канат тащили между нами.
И дым стоял, как паруса.
Их лица были крыты медью.
На мелях дно искали жердью.
И по утрам была роса.
Парнишка в лодочке, отважный,
Шёл к борту, истово гребя.
И голубь прилетел бумажный
С чернильной вестью самой важной:

«Мария, я люблю тебя!».

За бортом неба отблеск сонный.
Над судном снов летают сонмы
На тонких крыльях цвета ночи,
Внутри которых крылья дня.
Защитник – ангел теплоходный
Водой ночной, водой холодной
Разбудит вахту, брызнет в очи,
Добавит маяку огня.

Рассвет пылал каминным зевом.
Вода кипела. Но стеной
Набросил тень высокий левый,
И мы попали в мир иной.
Ни звука, всё вокруг померкло,
Во мраке замер теплоход.
Дул жаркий ветер, словно пекло
К нам развернуло чёрный вход.
А небо души ворошило,
Пришла гроза, гремели гири.
И наше судно «Ворошилов»
Блеснуло буквами «Вергилий»

«Только тех, с кем улыбку начала дня...»

Только тех, с кем улыбку начала дня
Разменял на весёлое небо золотое,
В темноте усади у большого огня
И рассказывай детям простое-простое.

Что корням дотянуться до влаги – урок,
А листва из дождя будет радугу делать.
Где кончается лес, где у леса порог,
И кто весь белый свет красит в цвет этот белый?

И пока по земле добредёшь до воды,
И когда всё поймёшь и про цвет и про запах,
Кто-то тихо придёт на невидимых лапах
И отмоеет лицо от вчерашней беды.

И пращу распахнуть, чтобы горы камней
Так травой обросли, как старинные горы.
И коней распустить, не высчитывать дней,
Слышать, лето ушло, и не знать, в год который

**«Здесь случается прошлое,
здесь я встречаюсь с собою»**

«По дырявой воде до немытой дороги...»

По дырявой воде до немытой дороги
Под нечёсанным небом горбатой грозы
От молочных болот до причалов безногих
Между криками сов там где лисы борзы

Вдоль разбитой ограды сгоревшего сада
Сквозь туман паутины цветное бельё
В старый дом где постель заросла виноградом
Хлев травой-муравой двор житьем и бытём

В день восьмой понедельник нежданно-негада...
Со слезою блестящей как глаз на блесне
Под забытый напев племенного обряда
Всех родных и живых ты увидишь во сне

И рванёшься на запах цветущего сада
С отражением солнца столкнувшись в окне

«Вдали промчался катер пробкой винной...»

Вдали промчался катер пробкой винной,
а подо мной прилив волною длинной,
я в Борнмуте, где с окнами над морем
под крики чаек, шум прибоя сплю,
из воздуха и слов стихи леплю.
А дочь моя поёт в церковном хоре.
Колокола, аббатству век десятый,
большие камни, от дверей правой
нарциссы жёлтые стоят толпой лохматой
у этой церкви голубых кровей.
Всё то же здесь. И время не течёт,
оно, как воздух осени, густеет,
И можно, дверь открыв своим ключом,
перешагнуть в столетие левее.

Я вырос из истории другой.
С монгольским игом и советской властью,
еврейским гетто, плачем за стеной,
и как примерить счастье к несчастью?
Да, всё пройдёт. Но, проживая век,
всегда во что-то верит человек.
Он, выбрав символ – мирную голубку,
придумал и стихи и душегубку.
Пока в себе раба и господина,
молясь во имя и отца и сына,
мы будем человечиною кормить,
то ни прощать не сможем, ни любить.

Всё разбивая, рвёмся на чужбину,
в разбитом мире можно заменить
осколки и свою сложить картину.

А можно и разбить и не сложить.
И не сложить. Как на блошином рынке,
в смешении антик и новодел.
Прохладной глины расписные кринки,
серебряные ложки не у дел,
державный Веджвуд, патина монет.
Пластмасса, поролон, картон, пакет

«Мои друзья талантливее всех...»

Мои друзья талантливее всех!
Они, как сказки первые, любимы,
Безгрешные, как первородный грех,
Назад в толпу никак невозвратимы.

Нас разметало и опять свело.
Невидимые глазом электроны
За нами носят вечное тепло
По старым адресам, как почтальоны.

Давно уже обжили наш вагон,
В котором всё друг другу рассказали.
Под лавкою забыт магнитофон,
Мы под него подружек целовали.

Мы все живём внутри календаря,
Где наше горе-счастье с лепестками
В гербарии хранится меж листками
Среды и четверга, и октября.

«Архипелаг». Высоцкий. Самиздат.
Мы на ночь детям пели Окуджаву.
И всё тайком. Привыкли, как всегда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.